

УДК 343.822.9

ДЕВЯНОСТО ДНЕЙ ОДИНОЧНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ТЮРЕМНАЯ ЖИЗНЬ ПЕРВОДУМЦЕВ, ОСУЖДЁННЫХ ЗА ПОДПИСАНИЕ ВЫБОРГСКОГО ВОЗЗВАНИЯ

Д.М. Усманова, С.В. Шебалков

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются малоизученные тюремные страницы жизни депутатов Первой Государственной Думы, осуждённых за подписание Выборгского воззвания – обращения «Народу от народных представителей», составленного 9–10 июля 1906 г. и побуждавшего к пассивному сопротивлению властям. Воссоздана предыстория судебного процесса, проходившего в 1907 г., описан социальный состав осуждённых депутатов-выборжцев. На основе максимально широкого круга источников, в частности мемуаров, писем, дневников бывших парламентариев, ряда документальных свидетельств из фондов Государственного архива Российской Федерации, освещены особенности содержания в тюрьмах перводумцев. Изучены воспоминания таких видных общественных и политических деятелей, как В.Д. Набоков, В.П. Обнинский, В.А. Оболенский, Н.А. Бородин, Я.К. Имшенецкий, С.Д. Урусов и др. Проанализированы различные сферы их повседневной жизни в местах лишения свободы, показаны трудности, с которыми они сталкивались во время отбывания трёхмесячного срока наказания. Подчёркивается своеобразие новой для Российской империи пенитенциарной группы, а также отмечается влияние тюремного фактора на последующую жизнь парламентариев.

Ключевые слова: перводумцы, Выборгское воззвание, политические заключённые, тюрьма, одиночная камера, тюремное начальство

Состав политических заключённых, являвшихся значимой частью контингента дореволюционных российских тюрем, был чрезвычайно разнообразен. Он включал в себя не только профессиональных революционеров, но и случайный элемент, и даже узкую прослойку легальных политиков. В фокусе внимания настоящей статьи находится небольшая пенитенциарная группа, объединившая бывших депутатов Государственной Думы первого созыва, осуждённых за подписание Выборгского воззвания.

Как известно, 9 июля 1906 г. депутаты распущенной царём Государственной Думы собрались в Выборге, где составили и подписали воззвание, озаглавленное «Народу от народных представителей». Документ должен был продемонстрировать протест перводумцев против насильственного роспуска парламента, а также показать их решимость идти в деле преобразований до конца. Призыв к пассивному сопротивлению имел целью предотвратить возможный

революционный взрыв, вызванный роспуском Думы, направить возмущение масс в конституционное русло. Первоначально воззвание подписали около 180 депутатов, затем к ним присоединились ещё 52 человека. М.М. Винавер, возглавивший редакционную комиссию, вспоминал позднее, что точное число подписавших установить сложно, так как оригинал текста практически сразу же был спрятан, а опоздавшие ставили подписи на дополнительных листах или даже на отпечатанных бланках. Поэтому среди привлечённых к суду были случайные люди, в то время как не все реально подписавшие воззвание депутаты оказались на скамье подсудимых (ИВВ, с. 37–38).

Особого успеха в стране эта акция, правда, не имела. Единственным её итогом стало то, что под судом оказались 169 человек, обвиняемых в подписании и распространении возвания преступного содержания. Действия были квалифицированы по ст. 51 и п. 3 ч. 1 ст. 129 Уголовного уложения (УУ), которые лишали осуждаемых всех политических прав. Расследование, начатое уже 18 июля 1906 г., значимых результатов не принесло: оригинал с подписями обнаружен не был, а фактов распространения возвания собрано ничтожно мало. Так, из 13 эпизодов, приведённых в обвинительном акте, только пять могут рассматриваться как распространение обращения, все остальные – это произнесение речей. Поэтому обвинение базировалось преимущественно на признаниях обвиняемых и показаниях свидетелей (см. [1]).

Дело о Выборгском возвании слушалось в Санкт-Петербургской судебной палате с участием сословных представителей 12–18 декабря 1907 г. Вместе с никому доселе неизвестными крестьянскими депутатами на скамье подсудимых в одночасье оказались князя П.Д. Долгоруков, В.А. Оболенский, Д.И. Шаховской, С.Д. Урусов, а также видные общественные деятели В.Д. Набоков, С.А. Муромцев и др. Примечательно, что среди 169 подсудимых наибольший удельный вес имели депутаты с юридическим образованием – 23 человека. Также среди «выборжцев» весьма значительной была доля врачей (19 человек), учителей (18 человек), земских деятелей (17 человек), профессоров и приват-доцентов (11 человек), крестьян (15 человек) (ВП, с. 177–178).

Несмотря на множество нарушений, допущенных в ходе следственных мероприятий (ИВВ, с. 38), и вопреки усилиям большой группы блестящих адвокатов, в итоге был вынесен обвинительный приговор. Согласно ему 167 бывших депутатов приговаривались к трёхмесячному тюремному заключению и лишались политических прав. Оправданы были лишь двое. Ход судебного заседания подробнейшим образом освещался российской прессой. Сами участники процесса также осознавали историческое значение этого события, поэтому оставили не только воспоминания, но и полную стенограмму заседаний суда в виде отдельной книги (ВП, с. 177–178).

Повышенный интерес у современников вызывали и обстоятельства исполнения приговора. Приезд осуждённых к месту отбытия наказания (особенно в Москве и Санкт-Петербурге) не остался без внимания прессы и даже был запечатлён фотографиями, заранее оповещёнными о грядущем событии. Например, группу депутатов во главе с С.А. Муромцевым, прибывшую 13 мая 1908 г. к воротам Московской Таганской тюрьмы, встречала толпа, численностью не менее 200 человек (см. [2]).

Большинство «выборжцев» отбывало наказание весной – летом 1908 г. Изначально им было предоставлено право выбора места заключения [3, с. 184]. Определение географии тюрем, в которых содержались перводумцы, вызывает трудности. Дело в том, что следы биографий многих парламентариев теряются практически сразу после окончания «Выборгского процесса» 1907 г. В остальных случаях биографические сведения не содержат упоминаний о месте заключения. Однако нет сомнения, что бывшие депутаты содержались преимущественно в тюрьмах, расположенных в Европейской части страны. В то же время имелись прецеденты заключения «выборжцев» на территории Сибири и среднеазиатских владений Российской империи. Например, А.Н. Букейханов, приехавший в столицу лишь накануне роспуска Государственной Думы и сразу же отправившийся вслед за коллегами в Выборг – этим его депутатская роль и ограничилась, отбывал свой срок в Семипалатинской тюрьме (ГДРИ, с. 70).

При выборе конкретного места отбывания трёхмесячного срока заключения осуждённые руководствовались различными соображениями. Например, бакинский депутат А.М.-б. Топчибашев, перед тем как был взят под стражу, получил от земляка, помощника начальника бакинской полиции М.-б. Мамедбекова заманчивое предложение выбрать для отбывания наказания любую из кавказских тюрем. Он писал следующее: «Я слышал, что Вы своё трёхмесячное наказание хотите отбыть где-либо в провинции; я бы посоветовал в Кубе¹; во-первых, летом прохладно и тюрьма на хорошем месте, кругом сады и зелень, а во-вторых, начальник хороший человек и со мною очень хорош, и смотритель – бывший сослуживец, наверное, Вам не будет так скучно, хотя будет грустно; кроме того, я поеду с Вами, познакомлю Вас с ними, и всё, что зависит от меня, для Вас сделаю с величайшим удовольствием, оказать Вам где-либо, когда-либо свою услугу я считаю своей священной обязанностью» [4, с. 197–198]. Несмотря на столь любезное предложение отбыть свой срок в комфортных условиях, А.М.-б. Топчибашев остановил свой выбор на столичной тюрьме «Кресты», поскольку 1907–1909 гг. в основном проживал в Санкт-Петербурге, где в качестве члена бюро при мусульманской фракции был задействован в общественных делах и проектах [5, с. 197–198].

Главными центрами сосредоточения перводумцев стали Московская губернская уголовная (Таганская) тюрьма и санкт-петербургские «Кресты». В этих двух пенитенциарных учреждениях содержалось в общей сложности около 30 бывших депутатов (ЗТГГС, с. 624; ВТ, с. 131). Некоторые «выборжцы» пожелали отбывать наказание в тех губерниях, где они проживали постоянно. При этом речь идёт как о крупных тюрьмах губернских городов (казанская, уфимская, ярославская и др.) (ГДРИ, с. 17, 34, 405), так и о небольших уездных местах заключения [6, с. 353]. Для всех членов Думы был предусмотрен одиночный режим содержания.

Информацию о тюремной жизни перводумцев мы узнаём прежде всего из воспоминаний и писем самих депутатов. Наиболее ценными представляются воспоминания В.Д. Набокова, В.А. Оболенского, С.Д. Урусова, В.П. Обнинского, Н.А. Бородина. Известно, что В.П. Обнинский и Н.А. Бородин во время содер-

¹ Имеется в виду город Куба (Губа) – центр Кубинского уезда Бакинской губернии. – Д.У., С.Ш.

жания под стражей вели дневники. Согласно тюремным правилам все оконченные письменные работы политических арестантов могли выдаваться им после освобождения с разрешения прокурорского надзора (ППС). Что же касается «нелегальных» рукописей, то для их выноса из тюрьмы арестантам приходилось прибегать к хитрости. Так, Н.А. Бородину удалось вынести из «Крестов» рукопись своего дневника, спрятав её между книгами (ИД, с. 167). В относительно небольшом количестве сохранилась переписка «выборжцев» с родными, друзьями и единомышленниками. В этих материалах содержатся важные сведения об обстоятельствах суда над переводумцами, а также об условиях их тюремного заключения. Например, в Государственном архиве Азербайджана имеется большая коллекция писем, адресованных А.М.-б. Топчибашеву (см. [4]).

Абсолютное большинство воспоминаний о своём пребывании под стражей оставили депутаты из дворян. Это несколько осложняет нашу попытку представить трудности, с которыми сталкивались в местах лишения свободы парламентарии, происходящие из податных сословий. Опыт отбывания наказания в тюрьме до осуждения по «Выборгскому делу» имели лишь несколько человек, представлявших в Думе главным образом социал-демократическую фракцию и Трудовую группу (ГДРИ, с. 20, 70, 162, 314, 690). Наконец, для нескольких парламентариев трёхмесячный срок наказания за подписание Выборгского воззвания, по-видимому, был поглощён либо временем подследственного содержания под стражей по этому делу (И.И. Рамишвили) (ДПДПС, с. 122), либо отбытыми тюремными сроками за совершение иных политических преступлений в 1906–1909 гг. (С.И. Бондарев, С.М. Корнильев) (ГДРИ, с. 62–63, 291).

Режим содержания бывших депутатов Государственной Думы формально ничем не отличался от установленного порядка отбывания наказания срочными заключёнными тюремного разряда. В качестве послабления им было лишь разрешено носить собственную одежду (В, с. 317). Одиночные камеры в царских тюрьмах имели по большей части небольшие размеры – около 9 квадратных метров [3, с. 185] – и крайне скудную обстановку. В каждой одиночке находилась железная койка с тюфяками и подушками из сена, стол, деревянный табурет, а также размещённая на стене небольшая полочка для посуды. В дверях камер были устроены откидные форточки для вентиляции и подачи пищи, а также «волчки» – круглые отверстия со стеклом, необходимые для надзора за арестантами. Снабжённые железными решётками окна располагались в основном довольно высоко, поэтому заключённые зачастую могли созерцать панораму тюремного двора, лишь встав на табурет. Наконец, во всех камерах неизменно присутствовала так называемая параша, которую переводумец Я.К. Имшенецкий остроумно назвал «малокультурным приспособлением» (ВТ, с. 135).

День в царской тюрьме начинался, как правило, в 6 часов утра. Услышав сигнал, все узники вставали, убирали свои постели и умывались. После короткой утренней поверки кровати поднимались к стене и запирались надзирателями на ключ вплоть до самого вечера. Таким образом, днём заключённые не могли пользоваться кроватью для отдыха. Для получения такого разрешения нужна была санкция тюремного врача либо иная веская причина. В утренние часы происходила уборка камер, которая осуществлялась самими осуждёнными депутатами либо кем-то из уголовных арестантов, специально снаряжённых для этой цели.

Особый интерес вызывает вопрос об организации питания бывших парламентариев. Всем перводумцам было предложено на выбор или питаться из общего арестантского котла, или приобретать еду на собственные средства. Казённый арестантский паёк, будучи бесплатным, не отличался разнообразием и питательностью входящих в него блюд (супы, каши), которые подавались на обед и ужин. Кроме того, несколько раз в день все узники получали кипяток для заваривания чая. По всей видимости, перводумцы, особенно представители привилегированных сословий, в своём большинстве негативно отнеслись к перспективе употреблять простую арестантскую еду и предпочли приобретать продовольствие за собственный счёт. Такая возможность, как правило, предоставлялась им местной тюремной администрацией с санкции губернатора (ИОГТУ, с. 47–48). В Таганской тюрьме, например, вновь прибывшим политзаключённым был предложен «дворянский» обед, состоявший, по воспоминаниям князя С.Д. Урусова, из двух блюд: супа и мясной котлеты, политой густым соусом (ЗТГГС, с. 625). Такой обед стоил 30 копеек и готовился на тюремной кухне поваром – уголовным арестантом. За собственные деньги осуждённые депутаты могли приобретать как готовые блюда по установленной таксе, так и продукты, из которых они приготавливались. При этом часть пищи арестанты могли брать из казённого пайка.

Примерно два раза в месяц заключённые имели право делать выписку продуктов и вещей из существующих при тюрьмах лавок. Это был ещё один способ улучшить питание. Подобным образом бывшие парламентарии могли приобретать колбасу, сыр, молоко, белый хлеб и т. д. Наконец, родственники зачастую посылали им передачи, в том числе со съестными припасами. Нужно отметить, что распоряжением Главного тюремного управления² был установлен запрет на доставку политзаключённым пищи в готовом виде (ЦГТУ), однако на практике он исполнялся далеко не всегда. Пользуясь возможностью получать готовую еду в передачах, некоторые перводумцы, по всей видимости, полностью переходили на подобный вид продовольствия [3, с. 186].

Дважды в день, обычно в первой и второй его половине, арестантов выводили в тюремный дворик на прогулку, которая длилась примерно 20 минут. Гуляли бывшие депутаты, как правило, в компании уголовных заключённых и под пристальным наблюдением группы надзирателей. По мнению князя В.А. Оболенского, в это время подневольное положение перводумцев ощущалось особенно сильно (МЖМС, с. 424). Несмотря на запрет разговаривать, гуляющие в одной партии депутаты нередко умудрялись обмениваться приветствиями и выражать друг другу своё расположение мимикой (ВТ, с. 132).

Важную роль в жизни заключённых играли свидания. Они разрешались обычно один или два раза в неделю с ближайшими родственниками, а в особо уважительных случаях – и с прочими лицами (ППС). Так как предназначенные для этого комнаты были рассчитаны на проведение нескольких встреч одновременно, разговаривать было трудно из-за гула голосов, что делало атмосферу свиданий крайне напряжённой (МЖМС, с. 424). Как правило, арестантов и посетителей разделяли две решётки, между которыми постоянно прогуливались

² В 1879–1917 гг. центральный орган управления тюремной системой в Российской империи.

надзиратели, следившие за ходом беседы. Этот фактор вкупе с кратковременностью встреч (обычно не более 15 минут) в известной мере обесценивал значение свиданий как способа связи с внешним миром.

Огромную роль для «выборжцев» играл поиск занятий, позволяющих разнообразить рутину повседневной жизни во время отбытия наказания. Все депутаты видели выход в чтении книг из тюремной библиотеки, которые выдавались узникам в количестве трёх штук одновременно (ППС). Разрешалось читать и собственные издания, прошедшие проверку и допущенные в тюрьму. Последнее было особенно важным, учитывая, что существующие при тюрьмах книжные коллекции не всегда могли удовлетворять вкусам политзаключённых. Случалось, что узники после освобождения жертвовали часть принадлежавших им книг в пользу места заключения. Подобным образом поступил, например, С.А. Муромцев [3, с. 189]. Всем переводумцам в тюрьмах выдавались также тетради для занятий и письменные принадлежности.

Возможность читать книги и заниматься письменными работами стимулировала творческую активность осуждённых «выборжцев». Многие депутаты в местах лишения свободы изучали иностранные языки, осуществляли научную деятельность и даже писали статьи и монографии. Так, профессор Московского университета Г.Ф. Шершеневич во время заключения в Таганской тюрьме трудился над «Общим учением о праве и государстве», которое было опубликовано в виде учебного пособия в 1908 г. и позднее неоднократно переиздавалось (НВХ, с. 222–223) (см. также [6, с. 402–421]). Н.А. Бородин во время заключения в «Крестах» написал книгу «Искусственное охлаждение и его применение к хранению и перевозке скоропортящихся продуктов», заказанную ему Департаментом земледелия (ИД, с. 166–167). Эта работа была опубликована и получила признание (см. [7]). В Государственном архиве Российской Федерации сохранился документ, свидетельствующий о том, что в 1916 г. Департамент земледелия ходатайствовал перед министром юстиции, чтобы судимость Н.А. Бородина не становилась препятствием к представлению его к наградам и иным служебным преимуществам (ГАРФ1, л. 1–3).

Лидер мусульманских парламентариев А.М.-б. Топчибашев, отправляясь в тюрьму, захватил с собой черновые заметки по четырём вопросам: 1) народное образование для мусульман, 2) организация исламских духовных институтов, 3) учреждение на Кавказе земства и 4) урегулирование земельного вопроса на Южном Кавказе. Аккуратно составленный А.М.-б. Топчибашевым перечень работ, подготовленных им в тюрьме, позволяет оценить итоги творческой активности депутата. В течение трёхмесячного заключения он написал следующие труды: «К вопросу образования чужеродных народов» (25 с.), «Реферат о перестройке мусульманского духовного учреждения» (10 с.), «Изменения в Правилах о школе чужеродных народов» (5 с.), «Вопрос о начальном образовании в 3-й Государственной думе» (3 с.), «К вопросу об обеспечении отдыха торгово-промышленных работников» (5 с.) [4, с. 198–200]. Помимо этого, за три месяца А.М.-б. Топчибашев прочитал более пятидесяти книг, список которых, будучи составленным с необычайной скрупулёзностью, поражает своим тематическим разнообразием.

Стремясь преодолеть негативное влияние тюремной изоляции, «выборжцы», очевидно, пытались установить контакты друг с другом, насколько это позволяли условия конкретного пенитенциарного учреждения. Известно, что в Таганской тюрьме и «Крестах» общение депутатов между собой велось через так называемую внутреннюю арестантскую почту. Она представляла собой не что иное, как передачу записок между камерами, которая обычно осуществлялась через лояльных узникам надзирателей. Такие письма в основном содержали в себе просьбы, приветствия, выражение благодарности за оказанную помощь. Например, в обращении, адресованном А.Р. Ледницкому, С.А. Муромцев писал: «Дорогим друзьям и товарищам по заключению сердечное спасибо и искренний привет. Мои хорошие чувства к ним столь же глубоки, сколь немногочисленны эти слова, их выражающие» (ГАРФ2, л. 1).

Иногда осуждённым парламентариям удавалось передавать из камеры в камеру не только записки, но и продукты питания, фрукты и проч. (ЗТГГС, с. 626–627). Всё это свидетельствует о высокой степени их сплочённости. У московской и Санкт-Петербургской групп первоумцев можно обозначить даже признаки тюремной самоорганизации. В частности, содержащиеся в Таганской тюрьме депутаты избрали своим неофициальным старостой А.Р. Ледницкого. Ему, судя по всему, успешно удавалось отстаивать интересы политзаключённых перед тюремным начальством. Как отмечал С.Д. Урусов, надзиратели всегда с почтением слушали А.Р. Ледницкого и никогда не противоречили ему (ЗТГГС, с. 626). Характерной чертой самоорганизации депутатов, отбывающих наказание в «Крестах», было издание в их среде рукописной газеты, в которой излагались последние новости тюремной жизни (ИД, с. 166). Разумеется, в местах лишения свободы, где содержались один или несколько бывших парламентариев, ничего подобного не было.

Большое значение для «выборжцев» имела переписка с родными. Все письма политзаключённых тщательно проверялись прокурорским надзором. Арестантам запрещалось сообщать в них подробности своего пребывания в тюрьмах, что накладывало свой отпечаток на характер переписки. Так, анализ писем С.А. Муромцева из Таганской тюрьмы позволяет обнаружить случаи сознательного уклонения председателя Думы от обсуждения животрепещущих тем. Очевидно, это было вызвано опасением, что письмо может не дойти до адресата (ГАРФ3, л. 116). В некоторых случаях заключённым удавалось доставить письмо на волю нелегальным путём. Например, доподлинно известно, что В.Д. Набоков, находясь в «Крестах», через адвоката А.И. Каминку отправлял жене сообщения, написанные на туалетной бумаге (ПН). Фотография тюремной камеры Г.Ф. Шершеневича, посланная им сыну, по словам последнего, долго хранилась в семейном архиве, напоминая о трёх месяцах «неординарных каникул» (МВМДП, с. 422). Корреспонденция, присылаемая на имя первоумцев, очевидно, была более разнообразна в тематическом отношении. Чаще всего это короткие послания и открытки с видами. Я.К. Имшенецкий отмечал, что бывшим депутатам часто писали даже незнакомые лица. Многие из таких писем задерживались тюремным начальством и выдавались первоумцам лишь после их освобождения (ВТ, с. 134).

Анализ источников показывает: тюремные надзиратели часто не знали, как вести себя с «выборжцами». Во всех случаях парламентариям из высших сословий

оказывались внимание и почести, соответствующие их статусу. Князя В.А. Оболенский и С.Д. Урусов вспоминали, что надсмотрщики обращались к ним не иначе, как «Ваше Сиятельство» (МЖМС, с. 422; ЗТГГС, с. 626–627). Услужливое и благожелательное отношение чинов тюремного ведомства к депутатам из дворян могло проявляться в различных ситуациях. Например, В.Д. Набоков, по собственному признанию, не только получил разрешение взять с собой в камеру складную ванночку для купания и туалетные принадлежности, включая одеколон, но даже не был подвергнут обыску при приёме в «Кресты» (ТД, с. 7–8; ПН). Если верить С.Д. Урусову, помощник начальника вышеупомянутой тюрьмы в 1908 г. просил извинения у А.Р. Ледницкого за то, что «судьба поставила его стражем народных представителей» (ЗТГГС, с. 627). Есть основания полагать, что в отношении депутатов из мещан и крестьян тюремщики тоже избегали излишних придирок, хотя режим в целом оставался довольно строгим (ВТ, с. 131).

Исходя из вышесказанного, можно проследить некую тенденцию в линии поведения перводумцев в тюрьмах. Учитывая краткосрочность пребывания под стражей, многие депутаты, вероятно, стремились избегать любых потенциальных конфликтов с тюремным начальством. Именно такую стратегию избрала, к примеру, московская группа «выборжцев» (ДД, с. 9). Соблюдение всех требований режима и отказ от активных форм борьбы (голодовки, обструкции, бунты) характеризуют пассивную модель приспособления к тюремной действительности [8, с. 50]. Используя её, перводумцы пытались сохранить душевное спокойствие и нервную энергию, а также безболезненно дождаться окончания срока заключения. Такой подход к решению проблем тюремной адаптации был более чем оправдан в складывающейся ситуации, а его успешной реализации служила систематическая умственная работа и «упразднение праздности» (ТД, с. 17).

Подводя итог, ещё раз отметим: среди политзаключённых российских тюрем депутаты-перводумцы были крайне нетипичной и в целом маргинальной пенитенциарной группой. К сожалению, объём источникового материала, характеризующего тюремную жизнь парламентариев, незначителен. Однако выявленные закономерности позволяют предположить, что бывшие депутаты в целом относительно легко перенесли свой срок отбывания наказания. Этому во многом способствовало следующее обстоятельство: в глазах служащих тюремного ведомства, равно как и общественности, «выборжцы» не являлись преступниками, что в целом обеспечило им сносный режим заключения.

Иное дело, что опыт пребывания в тюрьме вкупе с лишением политических прав имел различные последствия. В одних случаях это приводило к маргинализации вышедших на свободу депутатов, препятствуя развитию их служебной и общественно-политической деятельности. В других – три месяца тюремного заключения не оказывали серьёзного негативного влияния. Более того, ореол жертвенности во имя общественной идеи усиливал публичную узнаваемость депутата-выборжца и помогал ему увеличить свой символический политический капитал [9]. Свидетельство тому – внимание прессы, многочисленные приветственные телеграммы и письма почитателей, торжественные приёмы и обеды, устроенные в честь отбывшего заключение лица. Но оказывалась ли эта слава временной, или же она успешно конвертировалась в иное качество, зависело от множества факторов.

Источники

- ИВВ – *Винавер М.М.* История Выборгского воззвания (Воспоминания). – Пг.: Партия народ. свободы, 1917. – 48 с.
- УУ – Уголовное уложение. Утв. 22 марта 1903 г. – СПб.: Изд. Сенат. тип., 1903. – 144 с.
- ВП – Выборгский процесс. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1908. – 262 с.
- ГДРИ – Государственная Дума Российской империи, 1906–1917: Энцикл. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: Рос. полит. энцикл., 2008. – 735 с.
- ЗТГГС – *Урусов С.Д.* Записки. Три года государственной службы / Вступ. ст., подгот. текста, сост. и коммент. Н.Б. Хайловой. – М.: Нов. лит. обзор., 2009. – 856 с.
- ВТ – *Имшенецкий Я.К.* В тюрьме // К 10-летию 1-й Государственной Думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916: Сб. ст. первоудмцев. – Пг.: Огни, 1916. – С. 130–143.
- ППС – Правила о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. Утв. 16 нояб. 1904 г. // Сб. циркуляров, изд. по Гл. тюрем. упр. в 1879–1910 гг.: в 2 ч. – СПб.: Гл. тюрем. упр., 1911. – Ч. 2: 1896–1910 гг. – С. 337–382.
- ИД – *Бородин Н.А.* Идеалы и действительность: Сорок лет жизни и работы рядового русского интеллигента (1879–1919). – М.: ГПИИБ, 2009. – 250 с.
- ДПДПС – Депутаты 1-й Думы под судом: Дело о Выборгском воззвании / Сост. В.Н. Классон. – СПб.: Тип. т-ва «Народ. польза», 1908. – 187 с.
- В – *Джунковский В.Ф.* Воспоминания: в 2 т. / Под общ. ред. А.Л. Паниной. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – Т. 1. – 734 с.
- ИОГТУ – Из отчёта по Главному тюремному управлению за 1908 год // Тюрем. вестн. – 1910. – № 2: Прил. – СПб.: Типо-лит. С.-Петербург. тюрьмы, 1910. – 182 с.
- ЦГТУ – Циркуляр ГТУ от 5 апреля 1908 г. № 34 // Сб. циркуляров, изд. по Гл. тюрем. упр. в 1879–1910 гг.: в 2 ч. – СПб.: Гл. тюрем. упр., 1911. – Ч. 2: 1896–1910 гг. – С. 524–525.
- МЖМС – *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. – Париж: YMCA-Press, 1988. – 754 с.
- НВХ – *Винавер М.М.* Недавнее (Воспоминания и характеристики). – Пг.: Якорь, 1917. – 300 с.
- ГАРФ1 – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 124. Оп. 54. Д. 169. Дело о бывшем члене Государственной Думы статском советнике Николае Бородине, осуждённом Петроградской судебной палатой к тюремному заключению по ст. 129, ч. 1 Уголовного уложения. 1916 г. 3 л.
- ГАРФ2 – ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 34. Записка С.А. Муромцева к А.Р. Ледницкому. 5 июля 1908 г. 1 л.
- ГАРФ3 – ГАРФ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1. Письма С.А. Муромцева к двоюродному брату В.С. Муромцеву. 1866–1909 гг. 124 л.
- ПН – *Набоков В.В.* Письма В.Д. Набокова из «Крестов» к жене. – URL: <http://www.libros.am/book/read/id/286703/slug/pisma-v-d-nabokova-iz-krestov-k-zhene-1>, свободный.
- МВМДП – Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / Сост., указ. имён С.В. Шумихина, К.С. Юрьева. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 735 с.
- ТД – *Набоков В.Д.* Тюремные досуги. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1908. – 64 с.
- ДД – *Обнинский В.П.* Девяносто дней в одиночном заключении: Тюрем. заметки. – М.: Т-во «Образование», 1917. – 136 с.

Литература

1. *Мокринский С.П.* Применимость 129 статьи Уголовного уложения к составлению Выборгского воззвания // *Право*. – 1906. – № 40. – С. 3071–3076.
2. Прибытие депутатов-перводумцев в тюрьму в Москве // *Казан. вестн.* – 1908. – № 280. – С. 3.
3. *Аронов Д.В.* От Лазавки до Таврического дворца: Сергей Андреевич Муромцев – политик, учёный, педагог. – Орел: Александр Воробьев, 2010. – 300 с.
4. *Гасанлы Дж.* Али Мардан-бек Топчибашев: Жизнь за идею. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 608 с.
5. *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в Российском парламенте: 1906–1916. – Казань: Фэн, 2005. – 584 с.
6. *Усманова Д.М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 495 с.
7. Бородин Н.А. (1861–1937): учёный, просветитель, общественный деятель / Под ред. А.В. Голубева. – Уральск: ОФ «Евраз. союз учёных», 2011. – 295 с.
8. *Шебалков С.В.* Проблемы адаптации российских политических заключённых к тюремному режиму в конце XIX – начале XX вв. // *В мире научных открытий. Соц.-гуманит. науки*. – 2015. – № 3. – С. 46–54.
9. *Усманова Д.М.* Мусульманские депутаты в Государственной думе (1906–1917): новая политическая элита в Российской империи? // *Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. – 2013. – Т. 155, кн. 3, ч. 1. – С. 113–124.

Поступила в редакцию
25.04.17

Усманова Диляра Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: dusmanova2000@mail.ru

Шебалков Сергей Викторович, соискатель кафедры отечественной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: sergei.shebalkov@gmail.com

**Ninety Days of Solitary Confinement: Prison Experience of the “Pervodumtsy”
(First Duma Deputies) Convicted of Signing the Vyborg Appeal***D.M. Usmanova^{*}, S.V. Shebalkov^{**}**Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia*E-mail: ^{*}*dusmanova2000@mail.ru*, ^{**}*sergei.shebalkov@gmail.com*

Received April 25, 2017

Abstract

The paper analyzes the little-researched problem of prison experience of the First Duma deputies (“pervodumtsy”) who were penalized in 1907 for signing the Vyborg Appeal. As the result of the action carried out by the former deputies in Vyborg (Grand Duchy of Finland), 167 people were sentenced to 3 months of imprisonment and deprivation of the political rights. Therefore, the “pervodumtsy” became political prisoners. The study reconstructs the peculiarities of deputies’ prison confinement on an extensive basis of personal sources and also archival documentation from the Russian Federation State Archive. The location of prisons, where the former deputies were held, has been identified. The paper involves the prison memoirs of such prominent public and political figures as Vladimir Dmitrievich Nabokov, Victor Petrovich Obninsky, Vladimir Andreevich Obolensky, Nikolay Andreevich Borodin, Yakov Kondratyevich Imshenetsky, Sergey Dmitrievich Urusov, et al. The prehistory of the “Vyborg procedure” of 1907 has been considered. The social composition of convicted deputies has been noted. The study traces difficulties of the prison experience, analyzes various spheres of prisoners’ everyday life in prisons. Particular attention in the paper has been paid to the question of the interaction between the political prisoners and the prison authorities. The study highlights the distinctiveness of the new convict group for the Russian empire and brings to light the influence of the prison experience on the deputies’ subsequent life.

Keywords: pervodumtsy (First Duma deputies), Vyborg Appeal, political prisoners, prison, solitary-confinement cell, prison authorities

References

1. Mokrinskii S.P. The applicability of article 129 of the Criminal Code to drafting the Vyborg Appeal. *Pravo*, 1906, no. 40, pp. 3071–3076. (In Russian)
2. Arrival of the pervodumtsy at Moscow’s prison. *Kazanskii Vestnik*, 1908, no. 280, p. 3. (In Tatar)
3. Aronov D.V. From Lazavka to the Tauride Palace: Sergei Andreevich Muromtsev – Politician, Researcher, Teacher. Orel, Aleksandr Vorob’ev, 2010. 300 p. (In Russian)
4. Hasanli J. Alimardan Alakbar oglu Topchubashov: Life for Idea. Moscow, FLINTA, 2014. 608 p. (In Russian)
5. Usmanova D.M. Muslim Members of the Russian Parliament: 1906–1916. Kazan, Fjen, 2005. 584 p. (In Russian)
6. Usmanova D.M. Deputies of the Kazan Governorate in the State Duma of Russia: 1906–1917. Kazan, Tatar. Kn. Izd., 2006. 495 p. (In Russian)
7. Borodin N.A. (1861–1937): Researcher, Enlightener, Public Figure. Golubev A.V. (Ed.). Ural’sk, OF “Evráz. Soyuz Uch.”, 2011. 295 p. (In Russian)
8. Shebalkov S.V. The problems of political prisoners’ adaptation to the prison regime at the end of 19th – the beginning of the 20th centuries. *V Mire Nauchnyh Otkrytii, Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2015, no. 3, pp. 46–54. (In Russian)

-
9. Usmanova D.M. Muslim deputies in the State Duma (1906–1917): A new political elite in the Russian Empire? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2013, vol. 155, no. 3, pt. 1, pp. 113–124. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Усманова Д.М., Шебалков С.В. Девяносто дней одиночного заключения: тюремная жизнь перводумцев, осужденных за подписание Выборгского воззвания // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 4. – С. 824–835. ⟩

⟨ **For citation:** Usmanova D.M., Shebalkov S.V. Ninety days of solitary confinement: Prison experience of the “pervodumtsy” (First Duma deputies) convicted of signing the Vyborg Appeal. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 4, pp. 824–835. (In Russian) ⟩